

— О, от сестры снова письмо.

Се Линъи поднялась, чтобы забрать послание. Сестра, как обычно, подробно и суетливо описывала забавные происшествия, случившиеся в столице, и на губах Се Линъи невольно заиграла мягкая улыбка.

Однако, когда взгляд скользнул к последнему абзацу, тон письма резко изменился, а чернила в этом месте легли особенно густо и тяжело, словно рука автора дрожала от напряжения:

— ...Дошли слухи, что Его Высочество наследный принц из-за пустяков то и дело подвергается суровым упрекам государя на глазах у всего двора. Напротив, принц Ван Чэн с каждым днем все больше входит в милость и постоянно вызывается на личные беседы. Отец, пытаясь угадать волю императора, опасается, что тот задумал сменить наследника и хочет выдать меня за Ван Чэна. Несмотря на то, что я всей душой против, воле государя не пойдешь наперекор. К счастью, отец пока занял выжидательную позицию, и официального указа еще нет. Возможно, удастся потянуть время и найти способ все изменить.

Пальцы Се Линъи сжались, бумага тихо хрустнула.

Гу Чживей подняла глаза:

— Что там?

Се Линъи помолчала, затем, сжимая письмо, пересела к бабушке и показала ей последний абзац. Ее голос звучал ровно, но в нем проскальзывали напряженные нотки:

— Сестра пишет, что отец хочет выдать ее замуж за принца Ван Чэна.

— Все-таки это случилось, — Гу Чживей отставила чашку с чаем и тихо вздохнула.

— Похоже, — Се Линъи подняла взгляд и посмотрела в окно, где небо уже окончательно потемнело. Пламя свечи отражалось в ее глазах, делая их глубокими и темными, как ночная мгла, — мне придется вернуться в Шанцзин раньше, чем я предполагала.

На ее лице легла тень легкой тревоги.

— Возвращаться все равно пришлось бы. Завтра я напишу письмо твоему отцу: скажу, что ты соскучилась и хочешь вернуться в столицу.

Гу Чживей обняла внучку.

— Но ты хорошо подумала? Здесь, на горе Юньшань, под моей защитой ты могла бы прожить жизнь свободной горной птицей. А вернувшись, ты снова попадешь в золотую клетку, сплетенную из интриг.

— Сестра все еще в этой сети, как же я могу наслаждаться покоем в одиночку? — Се Линьи опустила глаза, не желая, чтобы бабушка заметила истинные причины ее решения и лишний раз волновалась.

— Хорошо. Человек, обладающий человеколюбием, непременно найдет в себе и мужество. Ты достойная внучка, воспитанная мной, Гу Чживей. — Женщина, познавшая немало невзгод, сразу разгадала опасения девушки, но лишь добавила: — Цзяоцзяо, взгляни на это.

Бабушка достала из-под бока свиток шелка и протянула ей.

Се Линьи развернула его. На ткани аккуратным, твердым, но изящным почерком была записана подробная хроника недавних событий в Шанцзине: перестановки в ведомствах, тайные движения и назревающие конфликты.

— Пэй Чжаохэн, второй сын герцога Ин, — прошептала Се Линьи, когда взгляд наткнулся на это имя.

— Ты с ним виделась? — Бабушка чутко уловила едва заметное изменение в ее голосе.

— В Ланьяне, — ответила Се Линьи. — О нем упоминал генерал Лу как о своем близком друге. Когда генерал погиб в бою, двор даже не почтил его память, а Пэй Чжаохэн, рискуя собой, отправился на место гибели старого товарища, чтобы совершить поминальный обряд.

Голос бабушки звучал медленно и веско:

— В прошлом месяце отец и двое сыновей герцога Ин во главе Армии Чжэньбэй разгромили войска Усунь, совершив небывалый подвиг. Этот молодой генерал Пэй был заместителем посла и сопровождал принца Усунь и их делегацию в столицу для мирных переговоров. Теперь, когда договор заключен, семья Пэй осыпана наградами, они на пике славы.

Она сделала небольшую паузу, и в ее голосе послышался едва уловимый вздох:

— Но этого молодого генерала, только что совершившего столь громкий подвиг, государь оставил в столице одного.

— Это не милость, — Се Линьи увидела, что в комнате стало темнее, и, наклонившись, зажгла еще одну масляную лампу в форме гуся. Оранжевый свет разлился вокруг, освещая ее холодный профиль. — Скорее, его оставили как заложника, чтобы успокоить сердце государя.

— Титул герцога, передающийся из поколения в поколение уже семь веков, и контроль над Армией Чжэньбэй, удерживающей горло Северных рубежей, — теперь, когда их заслуги превзошли заслуги самого монарха, они стали занозой в его глазах, — голос Гу Чживей звучал мягко, но в нем чувствовалась тяжесть.

— Государь всегда с опаской относился к нашим знатным кланам. В столице, не считая клана Цуй из Болина, опирающегося на императрицу, клана Лу из Шаньху и льстивого клана Се, все остальные семьи подвергаются притеснениям. Разве потерпит хозяин, чтобы рядом кто-то другой храпел на его циновке? Так было во все времена.

— Твой отец перестал быть близок со мной после смерти твоего деда, — Гу Чживей уже привыкла к таким дерзким высказываниям внучки, — но он все же твой родной отец. Ты так судишь о нем?

— Отец несет на своих плечах бремя чести и упадка клана Се, поэтому я не могу судить о его поступках лишь с точки зрения морали, — она подняла глаза на танцующий огонек лампы, ее голос звучал чисто и ясно. — Но он выбрал путь, на котором нам с ним уже никогда не стать близкими.

Взгляд Се Линъи снова упал на шелковый свиток. Еще одно имя больно кольнуло глаза.

— Ван Чэн рекомендовал Го Цзюньюя, уездного управляющего из Чучжоу, на должность военачальника в Линцзюньвэй.

— Битва в Ланьяне была отличным ходом, — усмехнулась Се Линъи. — Мой дорогой дядюшка, вероятно, тоже приложил к этому руку. Интересно лишь, насколько глубоко погряз в этом клан Се.

Бабушка вздохнула:

— Эти люди называют себя отцами народа, но на деле они как крестьяне, жалеющие вола лишь ради того, чтобы он вспахал побольше земли. Твой дядя угадывает желания императора, сколачивает клики и устраняет неугодных, и теперь его влияние затмило даже левого канцлера У Цзинъюя.

Се Линъи тяжело вздохнула:

— Под внешней оболочкой процветания скрывается гниль: указы не доходят до областей, чиновники обирают народ, который гибнет, словно муравьи. Снаружи — сильный враг, внутри — застарелые пороки. Если они продолжают грызться за власть и тешить себя иллюзией мира, разрушая собственные оборонительные рубежи, династия Шэн заболеет неизлечимо, и ни один лекарь не поможет.

— В нашей великой династии Шэн нет недостатка в талантливой молодежи, но когда правитель питает пристрастие к чему-то, подчиненные доводят это до крайности. Даже имея дар исправить небо, люди вынуждены прогибаться под эту вонь. Так будет продолжаться и дальше, и исправить положение станет невозможно. А я уже стара, уехать из столицы легко, но когда хочется очистить окружение государя, лишь сетуешь на отсутствие сил, — вспоминая прошлое, Гу Чживей не могла сдержать горечи.

— Бабушка, не тревожьтесь, те, кто творит зло, в конце концов погубят сами себя, — Се Линъи взяла бабушку за руку, пытаясь ее утешить. — В этот раз в Ланьяне я нашла кое-какие доказательства.

Она передала Гу Чживей документ о поставках продовольствия, найденный в архивах Ланьяна.

— Этот документ лежал в старых записях дядюшки. Похоже, кто-то намеренно оставил его, желая передать весточку.

— Лед толщиной в три чи не замерзает за один день. То, что творится в Ланьяне, — это не просто жажда наживы, — бабушка внимательно осмотрела документ и вернула его внучке. — Эта зацепка может быть как верным путем, так и намеренным введением в заблуждение. Нужно действовать осторожно.

Се Линъи кивнула и продолжила изучать свиток. Бабушка и внучка погрузились в молчание. В комнате был слышен лишь едва уловимый треск фитиля.

За тысячи ли отсюда, в Шанцзине, в особняке герцога Ин.

Ночь была глубокой. В уединенном кабинете в восточной части поместья дрожали тени свечей, а в курильнице в форме мифического зверя бесшумно оседал пепел дорогого сандала, выпуская тонкие струйки сизого дыма.

Пэй Чжаохэн несколько раз внимательно перечитал записи, но так и не нашел никаких зацепок.

Его тайный страж Цинсунь, стоявший внизу, продолжал доклад:

— Господин, та девушка — действительно Се Линъи, вторая дочь министра обрядов Се Цзина. После инцидента в Циньане, когда Великая принцесса Хуаян и клан Ян замыслили мятеж, она вместе со старой госпожой Гу укрылась на горе Юньшань и почти не поддерживала связей со столицей.

Цинсунь помедлил, в его голосе прозвучало едва уловимое восхищение:

— Жители Юньшаня с большой благодарностью отзываются о ней. Говорят, во время голода и эпидемии она вместе со старой госпожой раздавала кашу и лекарства, часто сама работала в поле, разговаривала со всеми мягко и не выказывала никакой спеси, свойственной дочерям знатных семей.

— Решительна в действиях, но полна милосердия, — Пэй Чжаохэн тихо рассмеялся и небрежно бросил записи на стол. — Та, кого воспитала сама госпожа Гу, действительно выдающаяся личность.

— Что касается документов, связанных с битвой генерала Лу... прошу прощения, господин, я не смог их найти. Вероятно, их давно уничтожили те, кто хотел скрыть правду. Кроме того, — голос Цинсуня стал тише, — в тот день, когда мы преследовали шпиона, мы дошли до самого севера, но не обнаружили никаких следов. Я не справился с заданием, прошу наказать меня.

— Ничего страшного. Ситуация в столице и так запутана, как клубок нитей, все силы переплелись между собой. Мы много лет провели в пограничных гарнизонах, только вернулись, наши старые связи не восстановлены, и глаза и уши пока не работают — это естественно.

Пэй Чжаохэн не стал отпускать Цинсуня, погружившись в раздумья. Он пытался восстановить в памяти события того дня в архиве.

Внезапно его осенило: та самая важная улика, несомненно, была спрятана ею в рукав в тот момент, когда она наклонилась, чтобы что-то поднять. Он тогда не придал этому значения — по истине, великая оплошность.

Похоже, поездка этой девушки в Ланьянь была вызвана вовсе не желанием помочь с ликвидацией последствий бедствия по просьбе Лу Сяоханя.

Однако госпожа Гу уже много лет в отставке. Каковы же истинные причины ее вмешательства сейчас? Су Вэньюань — родной дядя Се Линьи, Се Цзин — ее отец, а отношения между госпожой Гу и этими двумя людьми полны сложных, невысказанных обид. Является ли Се Линьи, связующее звено между этими тремя сторонами, врагом или союзником — делать выводы пока слишком рано.

— Ты и Тинчань, в ближайшие дни приложите больше усилий. Внимательно следите за тем, что происходит на горе Юньшань, в клане Се и у канцлера Су, — в глазах Пэй Чжаохэна блеснула хитринка. — Раз уж госпожа Се собирается в столицу, давайте преподнесем ей подарок. Распустите слухи о том, что во время эпидемии в Ланьяне третья дочь клана Се, не боясь опасностей, была в первых рядах и, обладая лишь слабым телом, совершила великий подвиг, проявив себя как настоящая героиня.

— Слушаюсь, господин, я немедленно займусь этим.

Пэй Чжаохэн добавил:

— После того как слухи распространятся, следите за ней втайне. Обязательно обеспечьте ей безопасный путь, чтобы ничего не случилось.

— Слушаюсь, господин, я все понял.